

УДК-130.2 (075)

Кулакова Бэлла Эльбрусовна

кандидат философских наук,
ведущий инженер дирекции
Армавирского механико-
технологического института (филиал)
ФГБОУ ВО «Кубанский
государственный технологический
университет» (г. Армавир)

**МЕЖРЕЛИГИОЗНЫЙ ДИАЛОГ
ХРИСТИАНСКОЙ И
МУСУЛЬМАНСКОЙ КУЛЬТУР**

Аннотация:

В статье рассматривается проблема взаимоотношений между христианами и мусульманами и причины возникающих препятствий межкультурного взаимодействия в межрелигиозном диалоге; представлено философское осмысление ислама в связи с проблемами толерантности и понимания человека в различных культурах, а в первую очередь – специфики диалога христианской и мусульманской цивилизаций, а также его проявления в современных российских условиях.

Ключевые слова:

диалог, этноконфессиональный, религиозное сознание, ислам, православие, толерантность, конфликт цивилизаций, мусульмане, христиане.

Kulakova Bella Elbrusovna

Candidate of Philosophical Sciences,
Leading Engineer of the Directorate
of Armavir Mechanical and
Technological Institute, Kuban State
Technological University
(branch in Armavir)

**INTERRELIGIOUS DIALOGUE
BETWEEN CHRISTIAN AND
MUSLIM CULTURES**

Abstract:

The article deals with the problem of relations between Christians and Muslims and the reasons for the obstacles of intercultural interaction in interreligious dialogue; the philosophical understanding of Islam in terms of the problems of tolerance and understanding of a person in different cultures are presented, and above all, the specifics of Christian and Muslim civilizations dialogue as well as its manifestations in modern Russian conditions.

Keywords:

dialogue, ethno-confessional, religious consciousness, Islam, Orthodoxy, tolerance, conflict of civilizations, Muslims, Christians.

Одной из характерных черт современной эпохи и становится диалог религий и этой проблеме уже посвящено много работ и исследований,

но актуальность рассмотрения проблемы не снижается. В странах с конфессионально разнородными сообществами межрелигиозный диалог часто является национальной проблемой, и как следствие это становится международной проблемой в мире, где межнациональные и межкультурные связи все время изменяются и становятся все более обширными. В диалог, часто независимо от воли или желания, втягивается все большее число верующих, поэтому адекватное его понимание возможно лишь в условиях социокультурного развития современного мира [1, с. 132].

Но трудности диалога растут, несмотря на поиск путей взаимопонимания. Спорная концепция Хантингтона в свое время рассматривала данные трудности и препятствия взаимоотношений между христианами и мусульманами, и речь тогда уже шла не о конфликте стран, а о «конflikте цивилизаций» [2, с. 163]. Но, по нашему мнению, эта концепция несостоятельна оттого, что именно в таком контексте нагнетается страх и усиливается непонимание.

По мнению С. Хантингтона, «военная конфронтация между Западом и исламским миром продолжается целое столетие, и нет намека на ее смягчение», а скорее наоборот, она может еще больше обостриться [3, с. 25]. Например, во время войны в Персидском заливе многие арабы почувствовали гордость после нападения Саддама Хусейна на Израиль и оказания сопротивления Западу. Но в то же время у многих появилось чувство унижения и обиды, которое было вызвано военным присутствием и силовым превосходством Запада в Персидском заливе, влекущее неспособность предопределять собственную судьбу. Война в Персидском заливе резко обострила ситуацию, вызвав социально-психологический шок у мусульманских патриотов, порождая желание продолжать борьбу.

Последние десятилетия в Европе, а затем и в Азии появилось много новых научных работ, где рассматриваются и исследуются проблемы межрелигиозного конфликта. Индийский журналист мусульманского вероисповедания М. Акбар считает, что в этом диалоге для обеих сторон – это конфликт цивилизаций во взаимодействии между исламским и западным миром. Он пишет, что «Западу наверняка предстоит конфронтация с мусульманским миром. Уже сам факт широкого распространения

исламского мира от Магриба до Пакистана приведет к борьбе за новый мировой порядок» [4, с. 26].

К таким же выводам пришел и Б. Льюис: «Перед нами настроение и движение совершенно иного уровня, неподвластные контролю политики и правительств, которые хотят их использовать. Это ни много ни мало конфликт цивилизаций – возможно, иррациональная, но исторически обусловленная реакция нашего древнего соперника против нашей иудео-христианской традиции, нашего мирского настоящего и глобальной экспансии того и другого» [4, с. 27].

Достаточно высокий уровень экономического и социального развития многих арабских стран (не только экспортирующих нефть) привел к тому, что автократические формы правления стали несовместимы с реальными требованиями общества. И настойчивые попытки ввести там демократию стали порождать эскалацию насилия. Определенная доля открытости политических систем некоторых арабских стран принесла пользу по большей части исламским фундаменталистам, что создало сложности в отношениях между исламскими странами и Западом.

Демографические факторы тоже вносят сложности в конфессиональные отношения. Стремительный рост населения в арабских странах, особенно в Северной Африке, увеличил эмиграцию в страны Западной Европы. Наплыв эмигрантов вынуждает усиливать внутренние границы между западноевропейскими странами и вызывает острое политическое неприятие. В странах Запада расистские настроения проявляются во все более открытых формах, постоянно нарастают политическая реакция и насилие между эмигрантами и коренным населением.

Непонимание, как правило, приводит к агрессии, страху и ненависти. Это стало характерной чертой во взаимоотношениях, как отдельных индивидов, так и целых общностей с их духовными культурами. Если говорить о России, то ее территория исторически стала местом соединения двух цивилизаций – православия и ислама, уникального сосуществования и взаимодействия культур мусульман и славян. За вековой период совместного проживания у народов, исповедующих разные религии, сформировалось уважение и определенные знания культуры соседа и, самое главное, умение ценить мир и покой в своем общем доме.

Демократическое сознание всегда направлено на свободу и автономию, независимое и активное поведение индивидов, но при этом демократия может ориентироваться и на равенство. В идеале «они должны сливаться в «свободоравенстве», но в реальности противоречат друг другу» [5, с. 66]. Не разрешенное вовремя противоречие перерастает в конфликт. Должно быть осознание предпосылки встающего вопроса: почему тогда порождается антипод демократии – тоталитаризм? Понимание справедливости, в нравственно-правовом содержании демократического сознания, реализует равенство за счет свободы. В противоположную сторону идет либерализм. Поэтому возникает различие, перерастающее в противоположность и доходящее до конфликта. Национальное или религиозное сознание может стать «детонатором» конфликта, а иногда и сразу оба.

Ключевым понятием нашего времени является «толерантность. Обычно оно трактуется как терпимость к иному мнению, стилю поведения, образу жизни и т. д. Но противоречивость самого понятия толерантности может быть парадоксальным. Мы говорим, например: «Толерантность – это хорошо, а нетерпимость – плохо». Отсюда следует, что мы нетерпимо относимся к нетерпимости. И получается, что такой принцип терпимости приобретает оттенок зла и враждебности. Мы интерпретируем толерантность как признание автономности Другого. В противоположность же толерантности выступают ксенофобия и фанатизм. Нетерпимость к различиям и страх перед чем-то чуждым имеют глубокие корни в исторически сложившихся отношениях. Жизненно важная оппозиция в обществе – это взаимоотношения «мы» и «они». Этот уровень взаимоотношений сформировался раньше, чем отношения «Я» и «Ты». Однако либеральная точка зрения порождает свои парадоксы. Было бы одинаково утопичным становиться на точку зрения только коллективной или индивидуальной идентичности. Тем более что они могут дополнять друг друга. Либеральное государство при всей его нейтральности не может быть полностью индифферентным, поскольку его базисной ценностью является автономия личности, свобода индивида во всех ее проявлениях. Политический аспект толерантности теснейшим образом связан с экономическим, социальным, духовным. Отметим лишь то, что выдающийся вклад в теорию и практику толерантности внесло христианство. Эта «динамичная»

толерантность может быть охарактеризована с помощью таких признаков, как великодушие, любовь, милосердие, диалог. Политика толерантности включает в себя ненасилие как этический принцип, помогает разрешать межэтнические конфликты, отказывается от консервативного принципа конфронтации, национализма и расизма. Атмосфера толерантности способствует росту различий, культурному разнообразию, автономии личности. А разнообразие помогает человечеству выживать [6, с. 73].

Противостояние среди верующих различных вероисповеданий или противоборство внутри одной конфессии, основанное на нетерпимости к инакомыслию обычно понимается как религиозная нетерпимость, перерастающая в конфликт [7, с. 180].

Религиозная нетерпимость проявляется в обвинениях представителей другой религии имеющих социальных проблем; в проявлении религиозного фанатизма под религиозными знаменами разжигающего конфликты и даже войны; в переплетении религиозных различий с этническим неравенством и несправедливостью и др.

Внутри религиозных групп конфликты, как правило, чаще определены делением власти, влиянием, привилегиями т. д. Эта борьба, выходящая за рамки теологического спора, показывает разнохарактерность не только духовенства, но и всего общества в целом.

Этноконфессиональная неприязнь всегда приносит массу бедствий обществу. Научной проблемой является само определение понятия «этноконфессиональный конфликт». Этнические конфликты, являясь видом социальных конфликтов, имеют все основные характеристики, которые свойственны конфликтам в обществе. В.А. Авксентьев в своих исследованиях рассматривал этнический конфликт, с формально-логической точки зрения, как вид социального конфликта, субъектами-носителями которого являются социальные группы, различающиеся по этническим признакам» [7, с. 181]. К этим признакам относятся, прежде всего, общность языка, особенности культуры и национальной психологии, сформированные стереотипы поведения, самосознание этноса, которое выражено в самоназвании – это признаки, во многом спорные, но широко применяемые в научной литературе.

Анализируя конкретные этноконфессиональные конфликты всегда необходимо принимать во внимание религиозный фактор (при его наличии), как существенноотягчающий сам конфликт. Поэтому его определяют как этнический конфликт, отягощенный действием религиозного фактора [8, с. 128]. И опасность его заключается в разжигании межнациональных конфликтов и возникающих на религиозной почве противоречий. В условия, когда одна идеология потеряла свое влияние, а новая еще только формируется, начинается рост национального самосознания. Все чаще религиозные ритуалы становятся символами национальной культуры, языка и традиций. То есть, по сути, формируется национально-конфессиональный признак, когда в единстве выступают религия, национальная культура и национальное самосознание, которые у большинства воспринимаются не только в контексте «мировоззрения, норм поведения и поступков каждого человека, но и в качестве основы общественной жизни и деятельности государства» [9, с. 181].

Как только неоправданно гиперболизируется какая-то проблема, несформированная на реальности, и при этом отдельной части социального явления приписываются свойства целого явления, когда все многообразие жизни сводится только к отдельному аспекту бытия или же отрицается инакомыслие в видении мира – то все это приводит к экстремистскому сознанию (индивидуальному или общественному).

К характерным чертам экстремистского сознания можно отнести: деление общества на две разные группы, где «мы» – хорошие, разумные, справедливые, а и «они» – плохие, ленивые, несущие нам угрозу и т. п.; перенос отрицательных черт отдельных индивидов на всю социальную (религиозную, национальную) группу. Эти обстоятельства обезличивают представителей социальных групп, и допускает насильственные действия, вплоть до совершения террористических актов. Экстремистскому сознанию необходима соответствующая идеология, поэтому закономерно обращение к религиозным системам. Религия, интегрируясь, объединяет людей в группу, придает смысл к единению, определяет свое место в окружающем мире и создает условия для диалога. Часто в сознании масс перемешиваются религиозная принадлежность и национальность, как-то: «православный» – «русский», «мусульманский» – «кавказец» или «азиат» и т. д.

Но одновременно с этим религия, выделяя одну группу, сравнивает ее с другими. Во времена социально-политических катаклизмов и разрушения светской системы ценностей этот аспект доминирует. Кажется, что само содержание идеологии теряет смысл. Это ведет к тому, что какая-либо проблема (создание идеального мира, чистота веры, возвращение к истокам религии и т. д.) может стать основной и господствующей, единственно важной, т. е. дошедшей до крайней степени, иногда даже до абсурда.

Важная функция религиозного сознания в культуре – это сохранение человека в виде творческого и разумного существа как субъекта духовной культуры, сохранение его подлинной личности, передача современникам всего культурного наследия, созданного предшествующими поколениями. Стремление устранить и искоренить религию из жизни человека и общества практически потерпело фиаско, все это смогло привести лишь к смене сакральных символов, к смене одной системы символов другой системой.

В религиозной культуре символический код автономности сознания удваивает социокультурную реальность, образуя при этом мир духовного и материального. Религиозная модель мира нацелена на один национальный язык. Религии присуща единая языковая модель мира, которая не является её несовершенством, потому что позволяет функционировать как символический код культуры в повседневности, а именно трансцендирование человека как свободной личности. Религия сохраняет и развивает человеческую личность в виде наиболее устойчивого текста и одновременно кода культуры, повышает его способность проходить через полосу жизненных кризисов [6, с. 136].

Трактовка символического кода в противоположность научной модальности образа духовной культуры позволяет выявлять измерение творческой субъективности. Синтаксический же код в гносеологическом аспекте совершает особый вид редукции сознания к знанию. Отсюда разнонаправленность науки и религии внутри синтактико-семантического отношения. Синтаксический код культуры, присущий больше философии и научному сознанию, основан на максимальной автономности системы знания от ценностей [10, с. 11].

Подводя итог всему вышеизложенному можно сказать, что усиливающееся внимание к религиозному наследию и культуре религии включает

все большее количество элементов, охватывающих сами богоискательские мотивы, утраченные навыки сакрального познания, стремление к самоосмыслению как к субъекту национально-культурных традиций, обретение утраченных ранее ценностей, и, в том числе, конфессиональное единение с представителями других религий, этносами и народностями. Меняющееся религиозное поведение становится своего рода защитной реакцией человека и общества в целом на трудности переходного периода. Основу растущей религиозности составляют не только вероискательские и мировоззренческие мотивы, но и чувство самосохранения, а также национальные чувства, сформированные на повседневной культуре этноса и привязанности к традиционной культуре. В нашей стране диалог мусульманской и православной культур основан на общей исторической памяти, традиционных нравственных ценностях и стремлении жить в мире с другими народами.

Мы полагаем недопустимым использование политиками культурно-религиозных различий народов как средство их взаимного отторжения и вражды. Этноконфессиональное многообразие нашей страны как фактор культурно-нравственного и духовного взаимообогащения ее народов, уникальное геополитическое положение России как евразийской страны, ее исторический опыт взаимодействия на едином пространстве исламской и христианской типов цивилизаций должно использоваться в интересах общества, что дает в итоге нашей стране возможность моделировать межкультурное взаимодействие в межрелигиозном диалоге.

Поэтому альтернативой в обострении социальных противоречий и профилактики конфликтов является этноконфессиональный диалог культур, где символический код культуры повседневности выступает как один из путей взаимопонимания.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Журавский, А. В. Христианство и ислам. Социокультурные проблемы диалога / А. В. Журавский. – М. : Наука, 1990. – С. 132.
2. Хантингтон, С. Столкновение цивилизаций / С. Хантингтон ; [пер. с англ. Т. Велимеева]. – М. : АСТ, 2006. – 603 с.
3. Хантингтон, С. Третья волна: Демократизация в конце XX века / С. Хантингтон ; пер. с англ. Л. Ю. Лапшиной. – М. : РОССПЭН, 2003. – 368 с.

4. Lewis, B. The Roots of Muslim Rage / B. Lewis // Atlantic Monthly. – Vol. 266. – 1990, September. P. 60 ; Time. – 1992. – June, 15. – P. 24–28 ; Фридман и Хайек о свободе. – Минск, 1990. – С. 69–99.

6. Кулакова, Б. Э. Мусульманская духовная культура: символические коды повседневности : дис. ... канд. филос. наук : 09.00.14 / Б. Э. Кулакова. – Ростов н/Д., 2010. – 186 с.

7. Авксентьев, В. А. Этническая конфликтология: в поисках научной парадигмы / В. А. Авксентьев. – Ставрополь, 2001. – С. 180.

8. Авксентьев, А. В. Этнические проблемы современности и культура межнационального общения / А. В. Авксентьев, В. А. Авксентьев. – Ставрополь, 1993. – С. 127–128.

9. Кильмашкина, Т. Н. Конфликтология: социальные конфликты / Т. Н. Кильмашкина. – М., 2004. – С. 181.

10. Похилько, А. Д. О предпосылках духовной автономии / А. Д. Похилько // Гуманитарные и социально-экономические науки. – 2003. – № 3. – С. 5–13.

11. Анисимова, Н. А. Сетевые структуры террористов на Северном Кавказе / Н. А. Анисимова, И. П. Добаев ; Центр региональных исследований Института социологии и регионоведения Южного федерального университета. – М.–Ростов н/Д. : Редакция журнала «Социально-гуманитарные знания», 2016. – 143 с.

12. Хайруллин, Р. М. Теоретико-методологические основы изучения религиозной толерантности (систематизация подходов) / Р. М. Хайруллин // Научные труды Центра перспективных экономических исследований. – 2017. – № 12. – С. 141–146.

13. Фарапонова, М. А. Роль государства в Российском православно-исламском диалоге / М. А. Фарапонова // Общество: философия, история, культура. – 2016. – № 8. – С. 45–48.

REFERENCES

1. Zhuravskij A.V. *Hristianstvo i islam. Sociokul'turnye problem dialoga* [Christianity and Islam. Socio-cultural problem of a dialogue]. М.: Nauka, 1990. 132 p.

2. Huntington S.F. *Stolknovenie civilizacij* [The clash of civilizations]. М.: AST, 2006. 603 p.

3. Huntington S.F. *Tret'ya volna: Demokratizaciya v konce XX veka* [The Third Wave: Democratization in the Late Twentieth Century]. М.: ROSSPEHN, 2003. 368 p.

4. Lewis B. The Roots of Muslim Rage. Atlantic Monthly, Vol. 266. 1990, September, p. 60; Time. 1992. June, 15, pp. 24-28.

5. *Fridman i Hajek o svobode* [Friedman and hayek on freedom]. Minsk, 1990, pp. 69-99.

6. Kulakova B.E. *Musul'manskaya duhovnaya kul'tura: simvolicheskie kody povsednevnosti* [Muslim spiritual culture: symbolic codes of everyday life]. Diss. ... kand.filos.nauk. Rostov-na-Donu, 2010. 186 p.

7. Avksent'ev V.A. *Etnicheskaya konfliktologiya: v poiskah nauchnoj paradigmy* [Ethnic conflictology: searching a science paradigm]. Stavropol, 2001. 180 p.

8. Avksent'ev A.V, Avksent'ev V.A. *Etnicheskie problem sovremennosti i kul'tura mezhnacional'nogo obshcheniya* [Ethnic problems of modernity and the culture of inter-ethnic communication]. Stavropol, 1993, pp. 127-128.

9. Kil'mashkina T.N. *Konfliktologiya: social'nye konflikty* [Conflictology: social conflicts]. M., 2004, p. 181.

10. Pohil'ko A.D. On the prerequisites of spiritual autonomy. *Gumanitarnye i social'no-ehkonomicheskie nauki = Humanitarian and Socio-economic Sciences*, 2003, no. 3, pp. 5-13. (In Russian).

11. Anisimova N. A., Dobaev I. P. *Setevye struktury terroristov na Severnom Kavkaze* [Network structures of terrorists in the North Caucasus]. M.; Rostov n/D: Publishing House "Socio-humanitarian Knowledge", 2016. 143 p.

12. Hajrullin R.M. Theoretical methodological basics of studying religious tolerance. *Nauchnye trudy Centra perspektivnykh ehkonomicheskikh issledovanij = Scientific Papers of the Center for Perspective Economic Research*, 2017, no. 12, pp. 141-146. (In Russian).

13. Faraponova, M.A. The role of the state in the Russian Orthodox-Muslim dialogue. *Obshchestvo: filosofiya, istoriya, kul'tura = Society: Philosophy, History, Culture*, 2016, no. 8, pp. 45-48. (In Russian).

БИБЛИОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ СТАТЬИ

Кулакова Б.Э. Межрелигиозный диалог христианской и мусульманской культур / Б.Э. Кулакова // Вестник Армавирского государственного педагогического университета. – 2019. – № 1. – С. 74–83.

BIBLIOGRAPHIC DESCRIPTION

Kulakova B.E. Interreligious Dialogue Between Christian and Muslim Cultures // The Bulletin of Armavir State Pedagogical University, 2019, No. 1, pp. 74–83. (In Russian).